

Научная статья

УДК 82: 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

Заметки к изучению Эдипова сюжета (вопросы генезиса, эволюции, типологии)

Маргарита Николаевна Климова

Томский государственный университет
Томск, Россия

ritabelan.1954@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9997-5179>

Аннотация

Эдипов сюжет, основу которого составляет судьба невольного отцеубийцы и кровосмесителя, – один из самых известных в мировой литературе и фольклоре. Объяснить историю Эдипа и ее сюжетобразующий мотив incestа пытались представители разных наук – от историков и этнографов до психоаналитиков, но правильно понять и адекватно описать это «многослойное» и изменчивое во времени явление помогут лишь его междисциплинарные исследования. Размышляя над классической работой В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» (1944), автор статьи предлагает свой опыт структурного анализа знаменитого сюжета, незавершенный предшественником-фольклористом в условиях борьбы с «формализмом» в науке. Нуждается в исторических уточнениях и предложенная Проппом типология обработок сюжета, ибо из-за вневременного подхода ученого к анализируемым материалам она не позволяет судить о его реальной эволюции. Между тем в своем развитии Эдипов сюжет прошел несколько этапов. Его архаичная основа в сказочном виде отражала историческую борьбу разных форм престолонаследования. Ставшая для античного сознания одним из примеров непреодолимой силы рока, история Эдипа обрела свое этическое измерение в трагедиях Софокла. В Средние века она была переосмыслена в духе христианского учения о покаянии и отпущении грехов, став основой ряда легенд о «грешных святых», но позднее утратила актуальность на фоне католической торговли индульгенциями и развития идеи предопределенности у протестантов. Особый малоизученный этап эволюции Эдипова сюжета – период его бытования в России. К восточным славянам он пришел через польское посредство лишь на исходе Средневековья сразу в нескольких версиях и представлен в русской рукописной традиции группой повестей о кровосмесителе. Эти повести активно переписывались на протяжении трех столетий, ушли в восточнославянский фольклор и отразились в произведениях новой русской литературы.

Ключевые слова

международные сюжеты, Эдипов сюжет, incest, архаичные формы престолонаследования, христианство и литература, древнерусская литература, компаративистика

Для цитирования

Климова М. Н. Заметки к изучению Эдипова сюжета (вопросы генезиса, эволюции, типологии) // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 16–31. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

© Климова М. Н., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 16–31

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 16–31

Notes to the Study of the Oedipus Plot (Issues of Genesis, Evolution, Typology)

Margarita N. Klimova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

ritabelan.1954@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9997-5179>

Abstract

The Oedipus plot, which is based on the fate of an involuntary parricide and incestor, is one of the most famous in world literature and folklore. Various scientists from historians and ethnographers to psychoanalysts have tried to explain the story of Oedipus plot and incest as its plot-forming motif, but only interdisciplinary research can help to properly understand and adequately describe this “multi-layered” and time-varying phenomenon. Reflecting on V. Ya. Propp’s classic work “Oedipus in the Light of Folklore” (1944), the author of the article offers his own experience of the structural analysis of the famous plot, unfinished by his predecessor-folklorist due to the struggle against “formalism”. The typology of plot processing, proposed by Propp, also needs historical explicitation, due to the Propp’s timeless approach to the analyzed materials, which does not allow judging its evolution. Meanwhile, the Oedipus plot has passed through several stages in its development. Its archaic basis reflected the historical struggle of different forms of succession in a fabulous way. The story of Oedipus, which became one of the examples of the irresistible power of fate for ancient consciousness, found its ethical dimension in the tragedies of Sophocles. In the Middle Ages it was reinterpreted in the spirit of the Christian doctrine of repentance and absolution, becoming the basis of a number of legends about “sinful saints”, but later it lost relevance against the background of the Catholic trade in indulgences and the development of the idea of predestination among Protestants. A particular understudied stage in the evolution of the Oedipus plot is the period of its existence in Russia. It came to the Eastern Slavs through Polish mediation only at the end of the Middle Ages in several versions at once and is represented in the Russian manuscript tradition by a group of “stories about an incestor”. These stories were actively rewritten for three centuries, went into East Slavic folklore and were reflected in the works of new Russian literature.

Keywords

international plots, Oedipus plot, incest, archaic succession forms, Christianity and literature, Old Russian literature, comparativistics

For citation

Klimova M. N. Notes to the Study of the Oedipus Plot (Issues of Genesis, Evolution, Typology). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 16–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

Эдипов сюжет, основу которого образует судьба невольного отцеубийцы и кровосмесителя, – один из самых знаменитых в мировой литературе и фольклоре. Давший ему название древнегреческий миф из фиванского мифологического цикла [Грейвс, 1992, с. 280–291] был весьма популярен у античных авторов, а в Новое время превзошел все другие мифы по количеству исследований и толкований. Объяснить историю Эдипа и ее сюжетообразующий мотив инцеста пытались представители разных наук, обращаясь для этого к обычаям и верованиям примитивных народов и материалам мирового фольклора, к конкретным событиям

древней истории и разновременным культурным контекстам мифа и даже пытаюсь погрузиться в темные глубины человеческого бессознательного¹. Эти исследования обнаружили «многослойность» изучаемого явления. На наш взгляд, это говорит о необходимости междисциплинарного подхода к решению вопросов его генезиса и эволюции.

Так, по остроумной гипотезе И. Великовского [1996], фабула фиванского цикла отразила реальные события египетской истории, связанные с правлением фараона-реформатора Эхнатона. Определять достоверность предложенных в его книге построений – дело египтологов, но и неспециалист заметит, что автор гипотезы не пытался объяснить египетскую традицию внутрисемейных династических браков, предположив лишь, что Эхнатон заимствовал этот странный обычай у царей-магов Древнего Ирана. Поиск же первоначального значения кровосмесительных браков уводит исследователя в такие глубины праистории, о которой напоминает лишь фольклор народов за пределами античной ойкумены, – например, сибирских хантов [Бурыкин, 2014]. Заметим также, что миф об Эдипе посвящен *случаю*, трагическому и уникальному, приписанный же Эхнатону *обычай* поддерживался в Египте более тысячи лет, почти до начала нашей эры².

Миф об Эдипе не оставался неизменным даже в Греции. Так, Гомер знал эту историю с другим окончанием. Среди вызванных Одиссеем теней Аида упомянуты и жена Эдипа, повесившаяся вскоре после свадьбы, когда страшный смысл ее нового брака открылся. Но злосчастный супруг ее велением богов продолжал править Фивами («Одиссея», XI), женился вторично, имел от этого брака детей и, вероятно, пал смертью героя, так как в тризне по нему участвовал один из осаждавших Трою ахейских вождей («Илиада», XXIII).

Свою этическую проблематику этот фаталистический миф обрел в трагедиях Софокла. Невольные преступления героя мифа («Эдипов грех») были невыносимо чудовищными для античного сознания³, поэтому идеальный протагонист «Царя Эдипа» сурово судил себя за них, не пытаясь оправдаться своим былым неведением. Итогом осознания его трагической вины становится акт самоослепления – деяние страшное и многозначное, описанное у Софокла едва ли не впервые в истории сюжета. Герой «Царя Эдипа» объяснял этот поступок остротой своего стыда (он просто не мог бы смотреть в глаза живым и умершим), но этот емкий символ допускает и другие толкования. В нем можно увидеть демонстративный жест отречения от гордыни неполного человеческого знания, попытку приобщения к иной, высшей мудрости, знак мужественного принятия своей судьбы, нако-

¹ Вне зависимости от нашего отношения к теории психоанализа следует признать, что популярность мифа об Эдипе в современном массовом сознании в первую очередь связана с его психоаналитическим «изводом» в работах З. Фрейда и его учеников [Между Эдипом и Озирисом, 1998].

² Практиковали его также в царских домах Древнего Перу и Сиам.

³ Отцеубийство считается одним из тягчайших злодеяний в большинстве культур (в Ветхом Завете, где проклят со всем своим потомством даже непочтительный сын Ноя Хам, оно и вовсе не упоминается). Необъяснимый, почти мистический ужас доньше нередко сопровождает в массовом сознании и тему инцеста. У современников Софокла это нарушение древнейшего эротического табу было связано с целым комплексом негативных идей – тиранической власти, запретного / ложного знания и самообожествления [Аверинцев, 1972].

нец, первый **свободный** поступок Эдипа, не predetermined заранее тяготеющим над ним родовым проклятьем. Но трагический путь героя Софокла продолжается, чтобы завершиться в финале «Эдип в Колоне» его неожиданным апофеозом: очищенный от преступлений страданием, слепой изгнанник таинственно уходил под землю, став после смерти божеством – покровителем Афин. Такой финал связан, вероятно, с изначальной «амбивалентностью» инцеста, участники которого уподоблялись одновременно чудовищам и богам [Левинтон, 1980, с. 544].

Христианское сознание восприняло этот архаичный миф не без труда. Так, в ранневизантийской Хронике Иоанна Малалы (V в.) пересказ истории Эдипа схематичен и лишен моральных оценок. Изменена отчасти и фабула мифа: отец Эдипа убит мятежниками, чудовищная «Сфинга» превращена в атамана разбойников, а главный герой, ослепив себя, сразу умер [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 19–20]. В таком виде древнерусский книжник мог познакомиться с этим мифом еще в домонгольский период, хотя на Руси творение византийского хрониста не пользовалось популярностью.

История падения и восстания злосчастного фиванского царя вновь обрела актуальность в христианских литературах зрелого Средневековья. Введенная в систему координат учения о покаянии и отпущении грехов, она после переосмысления некоторых деталей⁴ стала сюжетной основой ряда легенд о достигшем святости грешнике-кровосмесителе. Популярности таких рассказов, многократно возникавших на христианском Востоке и Западе, способствовала именно тяжесть «Эдипова греха», подчеркивавшая действенность покаяния и милосердие Бога. Но тот же невольный грех мог стать одновременно и символом абсолютного преступления, ибо в одной из средневековых легенд он был приписан Иуде Искариоту. В дальнейшем, по мере развития католического учения о сверхдолжных заслугах святых, реализованного в торговле индульгенциями, и выросшего на их неприятии протестантского догмата о предопределении, истории «грешных святых» утратили злободневность, «законсервированные» на обочине литературного процесса в памятниках низовой культуры. У восточных славян христианская версия Эдипова сюжета появилась лишь на исходе Средневековья, по всей видимости, через польское посредство и сразу в нескольких вариантах. В русской рукописной традиции XVII в. этот сюжет представлен группой повестей о кровосмесителе, в которых в этой роли выступали не только Иуда, но и некий «папа Григорий» и даже православный святой Андрей Критский.

Многообразие обработок Эдипова сюжета привлекло к нему внимание как западных компаративистов [Ellstein, 1986, S. 210–215], так и представителей русских историко-филологической и сравнительно-исторической научных школ [Словарь книжников..., 1989, с. 214–215, 347; 1998, с. 161]. Но особый интерес представляет для нас статья выдающегося советского фольклориста В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» (1944) [Пропп, 1976, с. 258–299], побуждающая к научному поиску и через много десятилетий после своего появления [Горелов, 1995].

Эта пространная и богатая фактическим материалом статья состоит из двенадцати разделов. В первых двух обоснованы методологические предпосылки ис-

⁴ Исчез при этом и загадочно-зловещий мотив самоослепления героя, воспринятый как экстравагантная форма его самонаказания и замененный описанием причудливых способов епитимьи грешника.

следования, предложена типология обработок сюжета, к которой мы еще вернемся, а также подчеркнута фольклорная основа софоклова «Эдипа», в котором ученый видел «довольно типичную волшебную сказку» [Пропп, 1976, с. 262]. Названия основных эпизодов этой «сказки» стали обозначением остальных десяти разделов, где к каждому из эпизодов приведены обильные, преимущественно фольклорные параллели. Очевиден интерес В. Я. Проппа к структурной организации сюжета, но интерес для времени создания его статьи «крамольный» и потому в тексте ее не прозвучавший. Внутренняя цензура чувствуется и в осторожных, странно нечетких названиях разделов, где, в частности, не упоминается инцест и не раскрыто содержание двух апофеозов героя, из которых первый был его воцарением, а второй – достижением святости. Между тем присутствие внутренней структуры, общей для всех обработок Эдипова сюжета, ощутит любой внимательный читатель этой статьи. Осмелимся предложить опыт реконструкции этой структуры (табл. 1)⁵.

Таблица 1
Table 1

Типология Эдипова сюжета: структурная организация типов
The typology of the Oedipus plot: the structural organization of types

Структурный элемент	Эдип	Андрей Критский	Юда	Григорий	Альбан
Завязка (пророчество / инцест родителей)	+ / -	+ / -	+ / -	- / +	- / +
Удаление младенца	+	+	+	+	+
Воспитание на чужбине	+	+	+	+	+
Возвращение на родину	+	+	+	+	+
Кульминация (исполнение пророчества / инцест героя)	+ / -	+ / -	+ / -	- / +	- / +
Воцарение	+	-	-	+	+
Разоблачение	+	+	+	+	+
Покаяние	+	+	-	+	+
Развязка (достижение святости / гибель)	+ / -	+ / -	- / +	+ / -	+ / -

Начать приходится с частного возражения автору анализируемой работы, ибо, на наш взгляд, структура Эдипова сюжета при совпадении отдельных элементов далеко не тождественна структуре волшебной сказки по Проппу. Впрочем, и сам ученый позднее изменил мнение по данному вопросу, указав в одной из последних своих работ, что «Эдип» последовательно проходит в фольклоре три формы

⁵ Опыт развернутого структурного анализа «Царя Эдипа» Софокла предложен в статье В. Н. Ярхо [1976].

бытования: миф – легенда – сказка [Пропп, 1976, с. 149–150] ⁶. В основу нашей реконструкции положена типовая модель героического мифа, начинающегося сообщением о необычных обстоятельствах зачатия и рождения героя и завершенного описанием его посмертного воздаяния (так организована, например, мифологическая биография Геракла). Предлагаемая нами схема состоит из девяти устойчивых элементов, в целом совпадающих по смыслу со структуризацией софоклова «Эдипа» у Проппа. Опущен лишь элемент «Сфинкс» (т. е. «победа над чудовищем») из-за его факультативности. Из девяти элементов структуры шесть регулярно повторяются в определенном порядке, а три основных, определяющих развитие действия (**завязка**, **кульминация**, **развязка**), реализуются в двух вариантах. Необычные события **завязки** – **пророчество** о предстоящих герою преступлениях – отцеубийстве и браке с матерью или **инцест** его **родителей**, вызывают **удаление младенца** из родного дома и его **воспитание на чужбине**. Но необходимость осуществления пророчества в историях о судьбе делает неизбежным **возвращение** повзрослевшего героя домой, где при разных обстоятельствах, но неотвратимо наступает **кульминация** действия – **исполнение пророчества** или **инцест героя** с неузнанной им матерью. Продолжительное или краткое **воцарение** невольного кровосмесителя заканчивается **разоблачением** его неведомых миру преступлений, он предается **покаянию**. Этому этапу у Софокла соответствует временной интервал между окончанием «Царя Эдипа» и началом «Эдипа в Колоне», у Проппа он не акцентирован, вероятно, по цензурным соображениям. **Развязка** большинства обработок сюжета благополучна: грешный герой прощен и даже достигает **святости**, за исключением изначально обреченного на **гибель** не принесшего покаяние Иуды. Но типовая модель героического мифа допускает и такой вариант развязки, реализуемый в мифологических рассказах о наказании «дерзких» (hybris).

Обратимся теперь к упомянутой ранее типологии Эдипова сюжета [Пропп, 1976, с. 260–261] (см. табл. 1). Сравнивая известные ему обработки сюжета независимо от времени их создания и формы бытования с историей Эдипа у Софокла, ученый выделил четыре основных типа, названные именами героев-кровосмесителей, – «Андрей Критский», «Юда», «Григорий» и «Альбан». Помимо краткой характеристики содержания каждого из типов, типология включает сведения и об ареале их бытования. Дополнив последние собственными познаниями в данном вопросе, мы для наглядности свели собранные материалы в особую таблицу (табл. 2).

Предложенная В. Я. Проппом типология помогает исследователю ориентироваться в обширном массиве разнородных источников, но судить по ней о реальной эволюции Эдипова сюжета нельзя. Препятствие тому – подчеркнуто вневременной взгляд автора типологии на анализируемые им материалы. Так, В. Я. Пропп по формальным признакам называет «наиболее близким к Эдипу» тип «Андрей Критский», тут же отметив локальность его бытования (только

⁶ Возможно, упоминание волшебной сказки должно было лишь осторожно напомнить подготовленному читателю-другу о ранней «формалистической» книге ученого, посвященной «морфологии» этого фольклорного жанра (1928).

у восточных славян⁷, т. е. вдали от античного первоисточника). Кроме того, в другом месте статьи ученый называет характерную особенность типа «Андрей Критский» – перенос действия «исконно царского» Эдипова сюжета в купеческо-мещанскую среду, вторичным изменением. Наша версия генезиса данного типа будет изложена несколько позже.

Таблица 2

Типология Эдипова сюжета: ареалы бытования типов

Table 2

The typology of the Oedipus plot: areas of existence of types

Историческая область	Эдип	Андрей Критский	Юда	Григорий	Альбан
Западная Европа	+	–	+	+	+
Балканские страны	+	–	+	+	–
Египет	+	–	+	+	–
Ближний Восток	?	–	?	+	+
Древняя Русь	+	+	+	+	–

Немаловажной представляется нам и явная неоднородность материалов к Эдипову сюжету у Проппа, четко распадающихся на два структурно сходных, но едва ли родственных варианта. В основе первого из них мотив сбывшегося пророчества о предстоящих герою злодеяниях – отцеубийстве и браке с матерью. Во втором варианте нет ни пророчества, ни отцеубийства, а удаление младенца из родного дома объясняется его происхождением от инцеста близких родственников (брата и сестры, реже отца и дочери). В указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона эти варианты представлены как два самостоятельных сюжета: АТ № 931 «Кровосмеситель (Андрей Критский)» и АТ № 933 «Кровосмеситель (Папа Григорий)» [Thompson, 1964, p. 328], о чем, впрочем, упоминает и автор «Эдипа в свете фольклора».

Сюжет АТ № 933 (у Проппа ему соответствуют типы «Григорий» и «Альбан») хорошо известен большинству народов Европы и христианского Востока, отмечено также знакомство с ним у мусульман Ирана и восточноевропейских хасидов. О его генезисе в науке доныне ведутся споры (см. [Kroes, 1954; Sparnaau, 1955; Ellstein, 1986; Горелов, 1994, с. 325] и др.). Нам же представляется несомненной его генетическая независимость от античного мифа об Эдипе. Решение вопроса о генезисе сюжета «Папа Григорий», как и большинства архаичных сюжетов с устойчивым мотивом инцеста, осложняется «многослойностью» и изменчивостью во времени изучаемых явлений. Так, часть статей на данную тему посвящена происхождению отдельных мотивов истории папы Григория, другим обработкам того же сюжета неизвестных. К их числу относятся, например, мотивы столкновения

⁷ Впрочем, ученый упоминает и «несколько сокращенную и отличную форму» того же типа у сербов, имея в виду, по всей видимости, баллады о Семене-найденше [Сербские народные песни..., 1987, с. 144–147], на наш взгляд, относящиеся к другому типу Эдипова сюжета, так как в них нет ни пророчества, ни отцеубийства.

чества героя на скале посреди моря или питания «Григория-столпника»⁸ неким таинственным «млеко земли». Попытки ряда ученых XIX в. связать происхождение этого сюжета с деятельностью папы Григория VII или другими событиями XI в., временем появления французской народной книги «Жизнь папы Григория Великого», по мере погружения в эту проблему теряли убедительность. Выявление же его многочисленных обработок за пределами Западной Европы с героем, носящим иные имена, подкрепляло гипотезы о восточном генезисе данного сюжета.

Поскольку сюжеты с устойчивым мотивом инцеста в структуре в большинстве своем исконно «царские», заслуживают внимания, на наш взгляд, попытки выявить в них отражение исторической борьбы разных форм престолонаследования. Так, брак Эдипа с Иокастой после убийства им Лая иногда трактуют как сказочную трансформацию матриликальной системы правления, когда молодой царь становится супругом царицы-жрицы лишь на определенный срок, предварительно убив на поединке своего предшественника. Другой отголосок того же принципа передачи власти ученые находят в популярном сказочно-мифологическом мотиве «царь под видом испытания убивает претендентов на руку дочери», ставшем основной завязки истории царевича Аполлония Тирского. Но архаичные формы передачи престола по женской линии были прочно забыты уже в пору оформления греческой мифологии, и история Эдипа стала примером непреодолимой силы рока. Перипетии давних гендерных битв за власть запечатлел, кажется, лишь фрагмент поэтического свода сказаний Древнего Ирана «Шахнаме» Фирдоуси (не позже 1010 г.)⁹. Его герой царевич Дараб, как и другие персонажи обработок сюжета АТ № 933, был плодом инцеста и воспитан вдали от родного дома, но объяснения тому даны совсем иные. В «Шахнаме» стареющий царь женится на своей любимой дочери по древнему пехлевийскому закону (лишенный наследства царевич при этом сразу и навсегда исчезает из действия), а законный плод этого союза отправлен матерью на чужбину потому, что овдовевшая молодая царица решила править единолично. Но сын ее Дараб, повзрослев, возвращается на родину и отстраняет мать от престола, восстанавливая тем самым принцип передачи царской власти по мужской линии. То, что его инцест с матерью при этом удастся предотвратить, комментаторы объясняют нежеланием Фирдоуси портить подобным грехом генеалогию великого Искандера, одним из предков которого считался Дараб. Другие восточные обработки сюжета АТ № 933 (коптская «История царя Арминиоса» и арамейское «Сказание об Александре», возникшие не позднее VII в.) принадлежат уже к следующему, христианизированному этапу его эволюции: инцест родителей героя объясняется в них кознями дьявола, а суровый древний рок уступает место милосердному «Божьему радению», ведущему своего избранника к святости путем «падения и восстания». В таком виде сюжет АТ № 933 был занесен в Европу паломниками, где, взаимодействуя с другими «бродячими» сюжетными элементами (например, мотивом «Поликратова перстня»), стал основой одного из вариантов легенд о «грешных святых». Самой популярной из них оказалась история папы Григория, впервые изложенная в упомянутой ранее народной

⁸ Название немецкой поэмы Гартмана фон Ауэ (XIII в.), ставшей основным источником романа Т. Манна «Избранник» (1951).

⁹ В статье В. Я. Проппа дана ошибочная (вероятно, по памяти) отсылка к «1001 ночи».

книге XI в. «Жизнь папы Григория Великого». Ее сокращенный пересказ в составе популярного латинского сборника «Римские Деяния» был переведен затем на большинство европейских языков. «Возвращением к истокам» может показаться упомянутая В. Я. Проппом в качестве особого типа Эдипова сюжета латинская легенда о св. Альбане, герой которой, как и царевич Дараб, был Рожден от инцеста отца и дочери, но прямая генетическая связь этой легенды с фрагментом «Шахнаме» не просматривается. История св. Альбана – искусственно усложненная книжная контаминация нескольких сюжетов, призванная доказать силу покаяния на примере чрезвычайной греховности. Ее заглавный герой, отмаливающий свои и родительские грехи, помимо невольного инцеста с матерью-сестрой по отцу, обременен также убийством родителей в состоянии аффекта, когда те снова впали в блуд во время их совместного покаяния в пустыне.

Сюжетная контаминация мотивов лежит также в основе популярной средневековой обработки сюжета АТ № 931 – Сказания о Иуде Предателе [Книга Иуды, 2006, с. 149–153]¹⁰. По классификации В. Я. Проппа ему соответствует тип «Юда». Эта апокрифическая биография главного евангельского злодея построена по кумулятивному принципу – как цепочка совершаемых героем преступлений, среди которых его «Эдипов грех», из всех тягчайший, предшествует вполне традиционному краткому рассказу о встрече Иуды с Христом, его призвании в апостолы, предательстве и самоубийстве. Кроме истории Эдипа, в жизнеописании Искарриота использованы мотивы других античных мифов о сбывшихся предсказаниях (о Парисе и Телегоне), а также библейский сюжет о братоубийстве, уподобляющий героя Каину. Подчеркнуто негативное отношение создателей легенды к заглавному персонажу позволило одному из исследователей объяснить ее появление борьбой раннего христианства против апологии Искарриота гностической сектой каинитов [Соловьев, 1895, с. 183–186]. Известное ранним Отцами Церкви гностическое Евангелие Иуды [Книга Иуды, 2006, с. 90] долгие века считалось утраченным, но в конце прошлого столетия его коптскую версию (III–IV вв.) обнаружили в составе так называемого Кодекса Чакас. От издания этого таинственного евангелия многие ожидали неких зловещих откровений, посягающих на самые основы христианства. Но пресловутый текст оказался лишь туманным изложением бесед Иисуса с Его ближайшим учеником Иудой о тайнах мироздания и предстоящей этому ученику высокой миссии освобождения Учителя из тюрьмы его тела [Там же, с. 112–125]. Не вдаваясь в анализ типично гностических идей этого сочинения, отметим, что ни прошлое, ни моральный облик Иуды его автора не интересуют, так что наивные «разоблачения» легенды об Иуде-Эдипе, участвуй они в полемике с гностиками, явно «били бы мимо цели». На наш взгляд, «Иудина биография» была придумана много позднее, в христианской литературе зрелого Средневековья для удовлетворения естественного интереса верующих к личности и жизни одного из самых загадочных евангельских персонажей. Показательным в этом плане видится нам композиционное сходство и совпадение ряда мотивов Сказания Иеронима со средневековой «биографией» Понтия Пилата [Грабарь-Пассек, 1972], его возможным сюжетным образцом и отчасти источником. Хотя история Иуды-Эдипа, включенная в народную книгу западного христианства «Золотая легенда» Иакова Ворегинского (XIII в.), была

¹⁰ В Древней Руси эту легенду ошибочно приписали блаженному Иерониму.

известна по всей Европе, художественное несовершенство этого наивного сочинения бросается в глаза. Нагромождение грехов заглавного персонажа явно избыточно, а невольность «Эдипова греха» Иуды плохо согласуется с его изначально негативной трактовкой. К тому же включение Иуды Христом в число апостолов, как и у других Его учеников (например, Матфея-мытаря), подразумевало отпущение его прежних грехов. Эти противоречия Сказания способствовали невольному смягчению образа легендарного предателя в отдельных списках и фольклорных пересказах легенды, возвращая ее в магистральное русло эволюции сюжета.

Последний из выделенных В. Я. Проппом типов Эдипова сюжета – «Андрей Критский», в наиболее чистом виде представлен одноименной древнерусской повестью, старейший список которой датирован концом XVI в. [Гудзий, 1915, с. 30–34]. По признакам, положенным в основу типологии, этот тип кажется наиболее близким к античному источнику-мифу, но детальное изучение мотивной структуры этого произведения выявляет его компилятивную природу и явную вторичность. Уже первые исследователи памятника заметили, что в сюжетном отношении он представляет собой странное соединение историй Иуды-Эдипа и папы Григория. Взяв за основу схему апокрифической биографии евангельского предателя, создатель Повести переосмыслил ее в духе догмата о покаянии и отпущении грехов, что потребовало радикального пересмотра ряда эпизодов¹¹ и замены финала, заимствованного из Повести о папе Григории. Но «Эдипова греха» для своего героя автору Повести почему-то показалось мало, и он добавил к ним кощунственные эпизоды соращения Андреем воспитавших его монахинь и убийства трех священников, отказавших ему в покаянии (эти эпизоды находят параллели в легендах о разбойниках). Особенно странно то, что всё это нагромождение осознанных и невольных грехов приписано в Повести святителю Андрею Критскому. Официальное житие этого поборника Православия и церковного писателя никаких греховных эпизодов не содержит, зато истово и красноречиво признается в своих бесчисленных преступлениях безымянный грешник, от лица которого читается во время великопостной службы главное творение святителя – его Великий (или Покаянный) канон. Хотя «первое лицо» в этом тексте подразумевало «человека вообще», бесконечно виновного пред Богом, в восприятии некоторой части слушателей герой канона был неотделим от его автора. Многословные признания лирического героя канона, переполненные не всегда понятными намеками на различные эпизоды библейской истории, стимулировали воображение любителей мирян. Это создавало предпосылки к появлению новой, апокрифической биографии автора канона, превращенного вольномыслием слушателей в грешника-кровосмесителя. О Великом каноне как одном из возможных источников Повести об Андрее Критском писали А. Н. Веселовский и Н. К. Гудзий, детальное же сравнение словесной ткани обоих памятников выявило многочисленные заимствования из канона на всех уровнях текста Повести [Климова, 2006].

¹¹ Ср., например, обстоятельства невольного отцеубийства, совершенного заглавными героями Сказания и Повести: Иуда по приказу Пилата ворует яблоки в чужом саду и в драке убивает владельца сада, заставшего его на месте преступления; Андрей же, нанятый охранять чужой сад, по ошибке ночью стреляет в хозяина, пришедшего его проверить, приняв того за вора.

Заметки к изучению одного из самых известных сюжетов мировой литературы хотелось бы закончить краткой характеристикой донныне малоизученного этапа его эволюции. Этап этот связан с бытованием Эдипова сюжета в России, в своем начале был представлен, как уже говорилось, группой повестей о кровосмесителе¹². Христианская вариация истории Эдипа пришла к восточным славянам довольно поздно, сохранившись на Западе к этому времени лишь на периферии европейского литературного процесса, в памятниках массовой культуры. Впрочем, книжники переходного периода русской литературы, как правило, знакомили соотечественников с наиболее традиционными и даже несколько устарелыми явлениями современной им западной словесности (с таким же опозданием пришел на Русь, например, рыцарский роман). Огромным успехом у русских читателей пользовались и средневековые новеллистические сборники (Великое Зерцало, Римские Деяния и пр.), соединявшие назидательность идеи с событийной занимательностью. Роль посредницы играла в это время литература соседней Польши, язык которой стал одним из языков русской культуры переходного периода. Поэтому, например, польские печатные издания Римских Деяний не были редкостью в частных книжных собраниях русского XVII в. [Ромодановская, 2009, с. 10]. Именно из фонда традиционных памятников западной литературы отечественная словесность в пору ее неспешного превращения в литературу современного типа получила первые образцы «неполезного», беллетристического повествования, по ним знакомила своих читателей с многими сюжетами и мотивами мировой культуры.

Повести о кровосмесителе были популярным чтением наших соотечественников на протяжении нескольких столетий. Русских читателей неизменно привлекали драматизм и исключительность описанных в них событий, удачное соединение поучения и занимательности. Неизменно близка русскому сознанию была также идея силы покаяния и милосердия Бога, значение которой особенно возрастало в кризисные моменты российской истории. Списки повестей о кровосмесителе есть практически в любом славянском древлехранилище, встречаются они время от времени и среди археографических находок. Поэтому количество их выявленных на данный момент рукописных версий (около 100 списков Сказания Иеронима, более 130 «Папы Григория» и 54 списка «Андрея Критского») едва ли можно считать окончательным. Текстология и литературная история повестей изучена также недостаточно. Это в известной мере справедливо даже для Повести об Андрее Критском, текстология которой проведена с привлечением всех доступных ее списков. Дело в том, что, не образуя цикла, все три памятника этой группы сосуществовали в рукописной традиции в тесном взаимодействии на всех уровнях текста: от единичных лексических вкраплений до образования сложных сюжетных контаминаций промежуточного характера. Поэтому сколь угодно детальное изучение любого из них без учета остальных обречено на неполноту и даже искажение реальной картины его бытования. Менее всего изучен момент их появления на русской почве. Так, применительно к истории Сказания Иеронима, помимо требующей проверки информации из библиографии А. А. Назаревского о списке памятника XVI в. [Назаревский, 1955, с. 104], известно лишь, что текст его слабо

¹² Это обозначение принадлежит первому публикатору рукописных текстов «Андрея Критского» и «Папы Григория» Н. И. Костомарову (1860).

подавался изменениям, что объясняется, вероятно, его внешней близостью к евангельским событиям. Однако уже в середине XVII в. возникает авторская Особая редакция Сказания, в сюжетном отношении представляющая собой его вольный пересказ с использованием мотивов других повестей о кровосмесителе [Климова, 1990]. Что касается истории папы Григория, то к восточным славянам она приходила несколько раз и, возможно, задолго до ее перевода в составе польской версии сборника Римские Деяния (70-е гг. XVII в.). Известен, например, сокращенный украинский перевод соответствующего рассказа польского сборника, сделанный в 1660 г. шаргородским священником Григорием. Кроме того, 47 из 60 просмотренных нами списков Повести о папе Григории принадлежат к различным вариантам ее более лаконичной Краткой редакции, известной уже в первой половине XVII столетия. Происхождение редакции пока неясно, но по своему содержанию она соотносится с редакцией Римских Деяний как ее вольный сокращенный пересказ с последовательным упрощением некоторых сюжетных ходов и отдельных подробностей и унификацией реалий западного быта.

Особый интерес представляет вопрос генезиса Повести об Андрее Критском. Большинство дореволюционных исследователей (Н. И. Костомаров, А. Н. Веселовский, М. П. Драгоманов и др.) считали ее источником несохранившийся греческий оригинал, пришедший на Русь, возможно, через южнославянское посредство. Н. К. Гудзий, напротив, аргументированно доказывал возможность создания Повести русским книжником [Гудзий, 1915]. Возобновленное в последней четверти XX в. всестороннее изучение этого произведения подтвердило правоту гипотезы Гудзиева, подкрепив ее свежими аргументами. Например, незаслуженное обвинение св. Андрея Критского в «Эдиповом грехе» выросло не только из нескольких буквального понятых метафор Великого канона, но объясняется также погрешностями его славянского перевода. Появление «подложного» жития этого православного святого удачно вписывается в контекст явлений русской культуры XVI в., отмеченных печатью «вольного» отношения к сакральным темам и образам. К этому же времени относится и случай «светского» использования текста Великого канона во вступительной части завещания царя Ивана Грозного [Климова, 2006, с. 113–115]. Еще одной особенностью этого памятника являются преувеличение и полемическое заострение темы покаяния, общей для большинства средневековых обработок Эдипова сюжета. По ходу повествования здесь грешат, каются и спасаются (каждый сам по себе), помимо заглавного героя, его мать и соблазненные им монахини. Но тот же тезис о милосердии Бога и силе покаяния выступает в тексте Повести также орудием оболъщения нетвердой в догматике игуменьи или аргументом «богословского диспута» Андрея с отказавшим ему в прощении попом. Хотя кончался этот «диспут» убийством «оппонента», благодатный финал Повести подтверждал правоту доводов Андрея, оправдывая тем самым и насильственную смерть «недостойного пастыря». Впрочем, судя по выразительным пометкам на полях рукописей, «сомнительность» этого сочинения ощущали и некоторые его читатели. Показательно также, что начальный период его истории, кроме его не поддержанного традицией древнейшего списка, представлен несколькими фрагментами Повести, уцелевшими из-за другого текста на обороте листа. Первый полный список ее основной Распространенной редакции (Б-ка МГУ, № 2Ес87) относится к середине XVII в. Очевидны попытки осознанного изъятия «неполезного» сочинения из рукописной традиции. Отметим также,

что на исходе русского Средневековья формируется один из фундаментальных мифов нашего национального сознания, избравший в качестве основного направления исканий русской души путь падения и восстания великого грешника. Псевдожитие св. Андрея Критского – одно из ранних художественных воплощений этого мифа.

Древнерусские повести на Эдипов сюжет оставили заметный след в отечественной культуре. Все три памятника этой группы, продолжая взаимодействовать на разных уровнях их текстов, активно переписывались более трехсот лет. Их рукописная традиция весьма разнообразна и представлена многочисленными редакциями и вариантами. В изменениях, вносимых переписчиками в исходные тексты, можно заметить две противоположно ориентированные тенденции. На заре отечественной беллетристики обработки Эдипова сюжета успешно удовлетворяли потребность невзыскательного российского читателя в чтении не столько «душеполезном», сколько увлекательном, волнующем воображение и чувства. Примечательны неоднократные попытки пересказа историй «святых кровосмесителей» на разных языках отечественной культуры переходного периода – «былинным складом», в виде галантной «гистории», лаконичной устной легенды, затейливой сказки и т. п. Не отвращали от себя эти повести и ревнители старой веры, охотно включавших их в состав традиционных «душеполезных» сборников, ведь христианская направленность этих удивительных историй казалась очевидной, и даже «сомнительность» воплощения идеи покаяния в Повести об Андрее Критском была надежно защищена в глазах старообрядцев дониконовской древностью этого сочинения. Пытаясь вернуть псевдожитие критского святителя в русло традиционной агиографии, книжники-староверы вносили в его текст множество мелких исправлений и дополнений, но посягнуть на его основную сюжетную линию или непривычную трактовку идеи покаяния даже не пытались.

Рано ушли повести о кровосмесителе и в восточнославянский фольклор, соседствуя с издавна бытовавшими там, как и повсюду в Европе, трагическими балладами об инцесте. Ареал прозаических народных рассказов о кровосмесителях простирается от западных регионов бывшей Российской империи до Забайкалья. Первую запись такого рода сделал в 30-х гг. XIX в. ссыльный поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер, последнюю по времени привезла археографическая экспедиция 1997 г. к старообрядцам Кемеровской области. Большая часть (17 из 25) устных обработок Эдипова сюжета, бытующих в восточнославянском фольклоре в виде легенд и новеллистических сказок, относится к типу «Андрей Критский». В новеллистических сказках об инцесте герой утрачивает не только имя, превратившись в гонимого судьбой безымянного сироту, но и свою финальную святость, так как сюжет получает мелодраматическую или бытовую развязку.

Рукописные и фольклорные истории «святых кровосмесителей» отразились и в новой русской литературе, став одним из источников, питавших упомянутый ранее национальный миф о покаянии великого грешника. Влияние повестей о кровосмесителе можно найти в таких разных произведениях русских авторов, как повесть Н. В. Гоголя «Страшная месть», «Баргузинская сказка» и мистерия «Ижорский» В. К. Кюхельбекера, поэма К. К. Случевского «В снегах», «Трагедия о Иуде, принце искаротском» А. М. Ремизова, рассказ М. Горького «Отшельник». Наконец, уже в новом тысячелетии поэтесса Н. Мартишина написала странное стихотворное переложение Повести об Андрее Критском.

Список литературы

- Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 90–102.
- Бурыкин А. А. Эдип в свете этнографии. Хантыйские сказки и древнегреческий миф // Вестник урovedения. 2014. № 3 (18). С. 17–27.
- Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов н/Д, 1996. 606 с.
- Горелов Н. «Эдип в свете фольклора» через пятьдесят лет // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 323–326.
- Грабарь-Пассек М. Е. Средневековая латинская поэма о Понтии Пилате // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 410–417.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 620 с.
- Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник (Варшава). 1915. № 1. С. 3–304.
- Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. 597 с.
- Климова М. Н. Особая редакция Сказания Иеронима о Иуде Предателе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 123–128.
- Климова М. Н. Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 107–117.
- Книга Иуды: Антология. СПб.: Амфора, 2006. 430 с.
- Левинтон Г. А. Инцест // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 545–547.
- Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа. Львов: Инициатива; Москва: Совершенство, 1998. 512 с.
- Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 192 с.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. М.: Индрик, 2009. 966 с.
- Сербские народные песни и сказки из сборника Вука Стефановича Караджича. М., 1987.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2; 1998. Вып. 3, ч. 3.
- Соловьев С. Историко-литературные этюды: к легендам об Иуде-предателе. Харьков, 1895. Вып. 1.
- Ярхо В. Н. «Эдипов комплекс» и «Царь Эдип» Софокла (О некоторых психоаналитических интерпретациях древнегреческой трагедии) // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 189–213.
- Ellstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Hassidic Tale // Fabula. 1986. Bd. 27, Ht. 3–4. S. 195–215.
- Kroes H. W. J. Die Gregoriuslegende // Neophilologus. 1954. № 38. S. 169–175.
- Sparnaay H. Zum Gregorius // Neophilologus. 1955. № 39. S. 16–23.

Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964.

References

Averintsev S. S. K istolkovaniyu simboliki mifa ob Edipe [To the interpretation of the symbolism of the myth of Oedipus]. In: *Antichnost' i sovremennost': K 80-letiyu F. A. Petrovskogo* [Antiquity and modernity: To the 80th anniversary of F. A. Petrovsky]. Moscow, 1972, pp. 90–102. (in Russ.)

Burykin A. A. Edip v svete etnografii. Khantyyskie skazki i drevnegrecheskiy mif [Oedipus in the light of ethnography. Khanty Tales and Ancient Greek Myth]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2014, no. 3 (18), pp. 17–27. (in Russ.)

Ellstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Harsidic Tale. *Fabula*, 1986. Bd. 27, Ht. 3–4, S. 195–215.

Gorelov N. "Edip v svete fol'klora" cherez pyat'desyat let ["Oedipus in the light of folklore" in fifty years]. In: *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks]. St. Petersburg, 1995, iss. 8–9, pp. 323–326. (in Russ.)

Grabar-Passek M. E. Srednevekovaya latinskaya poema o Pontii Pilate [Medieval Latin Poem about Pontius Pilate]. In: *Antichnost' i sovremennost': K 80-letiyu F. A. Petrovskogo* [Antiquity and Modernity: To the 80th Anniversary F. A. Petrovsky]. Moscow, 1972, pp. 410–417. (in Russ.)

Graves R. Mify Drevney Gretsii [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress Publ., 1992, 620 p. (in Russ.)

Gudziy N. K. K legendam o Iude Predatele i Andree Kritskom [To the legends about Judas the Traitor and Andrew of Crete]. *Russian Philological Bulletin* (Warsaw), 1915, no. 1, pp. 3–304. (in Russ.)

Istoki russkoy belletristiki: Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature [The origins of Russian fiction: The emergence of genres of storytelling in ancient Russian literature]. Leningrad, Nauka, 1970, 597 p. (in Russ.)

Klimova M. N. Osobaya redaktsiya Skazaniya Ieronima o Iude Predatele [A special edition of the Legend of Jerome about Judas the Traitor]. In: *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Public consciousness, booklore, literature of the period of feudalism]. Novosibirsk, 1990, pp. 123–128. (in Russ.)

Klimova M. N. Velikiy kanon Andrey a Kritskogo kak istochnik ego apokrificheskogo zhitiya [The Great Canon of Andrew of Crete as a source of his apocryphal life]. In: *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [Public consciousness of the population of Russia according to domestic narrative sources of the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk, 2006. pp. 107–117. (in Russ.)

Kniga Iudy [The Book of Judas]. An Anthology. St. Petersburg, Amphora Publ., 2006, 430 p. (in Russ.)

Kroes H. W. J. Die Gregoriuslegende. *Neophilologus*, 1954, no. 38, S. 169–175.

Levinton G. A. Intsest [Incest]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow, 1980, vol. 1, pp. 545–547. (in Russ.)

Mezhdru Edipom i Ozirisom: stanovlenie psikhoanaliticheskoy kontseptsii mifa [Between Oedipus and Osiris: The Rise of the Psychoanalytic Concept of Myth]. Lvov, Moscow, 1998, 512 p. (in Russ.)

Nazarevskiy A. A. Bibliografiya drevnerusskoy povesti [Bibliography of the Old Russian story]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, 192 p. (in Russ.)

Propp V. Ya. Fol'klor i deystvitel'nost': Izbrannye stat'i [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 325 p. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Rimskie Deyaniya na Rusi: Voprosy tekstologii i rusifikatsii [Roman Acts in Russia: Questions of textology and Russification]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 966 p. (in Russ.)

Serbskie narodnye pesni i skazki iz sbornika Vuka Stefanovicha Karadzichica [Serbian folk songs and tales from the collection of Vuk Stefanović Karadžić]. Moscow, 1987. (in Russ.)

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia]. Leningrad, 1989, iss. 2, pt. 2; 1998, no. 3, pt. 3. (in Russ.)

Soloviev S. Istoriko-literaturnye etyudy: k legendam ob Iude-predatele [Historical and literary studies: to the legends of the traitor Judas]. Kharkov, 1895, iss. 1. (in Russ.)

Sparnaay H. Zum Gregorius. *Neophilologus*, 1955, no. 39, S. 16–23.

Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964.

Velikovskiy I. Edip i Ekhnaton [Oedipus and Akhenaten]. Rostov on Don, 1996, 606 p. (in Russ.)

Yarkho V. N. "Edipov kompleks" i "Tsar' Edip" Sofokla (O nekotorykh psikhoanaliticheskikh interpretatsiyakh drevnegrecheskoy tragedii) ["Oedipus complex" and "King Oedipus" by Sophocles (On some psychoanalytic interpretations of ancient Greek tragedy)]. *Voprosy literatury*, 1976, no. 10, pp. 189–213. (in Russ.)

Информация об авторе

Маргарита Николаевна Климова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Margarita N. Klimova, Candidate of Sciences (Philology)